

В диссертационный совет Д 212.298.19,
созданный на базе Южно-Уральского
государственного университета (НИУ)
454080, г. Челябинск, проспект Ленина, 76

ОТЗЫВ

**официального оппонента
на диссертацию Черкасова Виктора Сергеевича
«Правовое регулирование применения электронных средств
в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса»,
представленную на соискание ученой степени
кандидата юридических наук по специальности:
12.00.09 – Уголовный процесс**

Представленная диссертация посвящена достаточно сложной, но в то же время интересной проблематике. Ввиду стремительного развития общественных отношений в новой электронно-цифровой реальности, обуславливающих появление все более сложных способов подготовки, совершения и сокрытия преступлений, различные аспекты работы с носителями цифровой доказательственной информации по уголовным делам в целом и в досудебном производстве в частности уже не первый год привлекают повышенное внимание специалистов в области уголовного процесса, оперативно-розыскной деятельности криминалистики, судебной экспертизы и других наук «антикриминального» цикла, являясь предметом многочисленных публикаций и побуждая к бурной полемике. А в последнее время в связи с внесением целого ряда изменений и дополнений уголовно-процессуальное законодательство, в том числе определённого усложнения процедурных требований производства следственных и иных процессуальных действий, направленных на получение подобных сведений, эти вопросы получили новый импульс для своего развития.

На сегодняшний день в доктрине не выработаны единые подходы к правовой природе так называемых «электронных доказательств» и их месту в общей системе средств доказывания; имеются разногласия в отношении характера и содержания уголовно-процессуальных гарантий, предопределяющих их юридическую доброкачественность; отсутствует четкое понимание конкретных приемов,

направленных на их соби́рание, исследование, проверку, оценку и использования по назначению, то есть для обоснования приговоров, иных правоприменительных актов органов предварительного расследования или суда.

Указанные доктринальные проблемы, несовершенство правового регулирования механизмов работы с носителями цифровой информации неизбежно приводят к серьезным затруднениям, возникающим в повседневной правоприменительной, в том числе следственной, практике. Тем более, что прикладное использование положений уголовно-процессуального законодательства невольно упирается в специфику формировавшейся на протяжении многих лет национальной системы досудебного производства, предполагающей наделение органов власти (должностных лиц) полицейского либо параплицейского типа юрисдикционными (судебно-следственными) полномочиями по соби́ранию полноценных доказательств, изначально равных по юридической силе, доказательствам, полученным в ходе судебного заседания.

Поэтому в настоящее время представляется целесообразным осуществление дальнейших, в том числе диссертационных, исследований, направленных на изучение насущных проблем, возникающих в части работы органов предварительного расследования с носителями цифровой информации, в целях развития правовой доктрины, совершенствования уголовно-процессуального законодательства и оптимизации правоприменительной практики. И, таким образом, актуальность избранной соискателем темы своей диссертации «Правовое регулирование применения электронных средств в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса» вполне очевидна.

Различным аспектам работы органов предварительного расследования с доказательствами, в частности их использования для обоснования промежуточных и итоговых правоприменительных актов досудебного производства посвящены фундаментальные труды О.Я. Баева, В.М. Балакшина, А.М. Баранова, Р.С. Белкина, В.М. Быкова, Б.Я. Гаврилова, В.В. Кальницкого, В.А. Лазаревой, А.М. Ларина, Ю.К. Орлова, А.В. Победкина, В.А. Семенцова, Ф.Н. Фаткуллина, С.А. Шейфера и многих других известных ученых. Определённый интерес к данной проблематике всегда проявлял и автор настоящего отзыва. Вместе с тем

на сегодняшний день ощущается необходимость в гармонизации хорошо разработанных теоретических основ реализации познавательного-удостоверительных полномочий органов предварительного следствия с насущными потребностями правоприменительной практики в части работы с носителями цифровой информации. Эти проблемы, будучи достаточно хорошо рассмотренными в публикациях криминалистической, оперативно-розыскной и экспертной направленности (в трудах А.А. Бессонова, В.Ф. Васюкова, В.Б. Вехова, Ю.В. Гаврилина, С.В. Зуева, В.А. Мещерякова, А.Л. Осипенко, Е.Р. Россинской и других известных авторов), с позиций уголовно-процессуальной доктрины затрагиваются лишь фрагментарно: как правило, в научных статьях, а также нескольких кандидатских диссертациях начинающих исследователей.

Представленная диссертация вносит определённый вклад в заполнение этих пробелов, а по кругу анализируемых вопросов и подходам к их разрешению может быть охарактеризована как монографическая рукопись, освещающая содержание и результаты проведенного соискателем комплексного научного исследования, направленного на выполнение требований, предусмотренных п. 9, 10 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842.

Так, диссертация состоит из введения, 2-х глав, включающих 6 самостоятельных параграфов, заключения, списка использованных источников и приложений. Первая глава претендует на роль своеобразной методологической основы проведенного исследования. Отталкиваясь от неоспоримого факта повсеместного внедрения информационных, в том числе цифровых, технологий во все сферы жизнедеятельности, соискатель попытался обосновать их влияние на досудебное производство в контексте познавательной ценности соответствующих средств уголовно-процессуального доказывания (согласно используемой в диссертации терминологии – «электронных средств уголовно-процессуального доказывания»).

Вторая глава носит более прикладной характер, предопределённый попытками соискателя внести посильный вклад в совершенствование процессуальных механизмов работы с цифровой информацией и ее источниками, попавшими в зону внимания органов дознания и предварительного следствия. При

этом наибольший интерес в диссертации вполне ожидаемо проявлен к проблемам производства невербальных следственных действий в отношении носителей цифровой информации, а также осуществления предусмотренных ст. 185–186.1 УПК РФ комбинированных приемов, направленных на получение, исследование и фиксацию сведений об актах общения между определёнными лицами путем использования современных средств связи. Вместе с тем некоторое внимание соискатель уделяет и вопросам, возникающим в ходе работы органов предварительного расследования с цифровой информацией, полученной сугубо оперативным путем и представленной для приобщения к уголовному делу в качестве результатов соответствующих оперативно-розыскных мероприятий.

Исходя из содержания диссертации, в ходе проведения исследования соискателем было проанализировано 623 уголовных дела, а также проведено анкетирование 536 сотрудников органов предварительного расследования, проходящих службу в подразделениях Следственного комитета РФ и органов внутренних дел нескольких регионов, входящих в состав Центрального, Южного, Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. Кроме того, в диссертации можно встретить сведения об использовании научной литературы, положений федерального законодательства, опубликованных решений судов общей юрисдикции, актов Конституционного Суда РФ, Европейского суда по правам человека и других источников. Некоторые тезисы и суждения проиллюстрированы примерами из правоприменительной практики.

В итоге своих творческих изысканий соискатель сформулировал 8 Положений, выносимых на защиту (далее – Положений), а также сделал ряд более частных выводов и суждений, некоторые из которых представляют определённый интерес.

Так, вполне справедливыми видятся предложенные на стр. 67–68 и повлиявшие на содержание Положения № 3 критерии для доктринального и практического разграничения носителей цифровой информации и вещественных доказательств, которые сводятся: 1) к неоднородным механизмам следообразования (в широком смысле); 2) к различным способам восприятия полезных сведений; 3) к разному содержанию информации, предполагаемой к использованию в процессе доказывания обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Заслуживает поддержки и высказанная на стр. 70–71 позиция о неразумности введения в сферу уголовно-процессуального регулирования нового средства доказывания – носителей цифровой информации (согласно авторской терминологии – «электронных доказательств»). При этом соискатель приходит к справедливому выводу о возможности приобщения подобных объектов к уголовному делу и их использования в доказывании в качестве одного из предусмотренных ч. 2 ст. 74 УПК РФ видов доказательств.

Рационален и сформулированный на стр. 127 тезис об ошибочности чрезмерной формализации предусмотренных ст. 185–186.1 УПК РФ комбинированных способов собирания доказательств, приводящей лишь к ограничению дискреционных возможностей органов предварительного следствия в части установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела¹.

Несмотря на определённую близость рассматриваемых вопросов к предмету криминалистики и теории оперативно-розыскной деятельности, содержание и результаты проведенного исследования, в том числе Положения, относятся к сфере правового регулирования полномочий органов предварительного расследования, то есть остаются в лоне уголовно-процессуальной науки. Поэтому диссертация «Правовое регулирование применения электронных средств в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса» в целом соответствует Паспорту научной специальности 12.00.09 – Уголовный процесс.

Исходя из содержания диссертации, результаты проведенного исследования апробировались посредством выступлений соискателя на нескольких научно-представительских мероприятиях, а также внедрения в учебный процесс Дальневосточного юридического института МВД России и практическую деятельность Следственного управления УМВД России по Приморскому краю.

¹ Автор настоящего отзыва вообще является противником вызванных понятными причинами, но при этом совершенно деструктивных тенденций, направленных на все большую и большую формализацию уголовного судопроизводства, постепенно превращающих УПК РФ в пошаговую инструкцию, в «памятку» для безграмотных правоприменителей, в «учебник криминалистики». См., например: *Россинский С.Б.* УПК РФ: воплощение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей? // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2021. № 6. С. 42–46; *Россинский С.Б.* Уголовно-процессуальный кодекс РФ постепенно превращается в «учебник криминалистики»: случайность или закономерность? // *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра.* 2021. Т. 18. № 2. С. 215–221.

Основные изложенные в диссертации положения и выводы получили отражение в 18-ти научных публикациях, в том числе в 9-ти статьях, опубликованных в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК России.

Диссертация написана достаточно понятным языком в пределах установленного объема; оформлена в соответствии с предъявляемыми требованиями; автореферат отражает основные положения диссертации и соответствуют ей.

Вместе с тем представленная диссертация не лишена и целого ряда достаточно серьезных недостатков, существенно снижающих возможность ее положительной оценки.

1. Наибольшее количество нареканий вызывает практически полное игнорирование соискателем сформированных за долгие годы развития национальной уголовно-процессуальной доктрины положений теории доказывания и доказательственного права. Думается, что, приступая к подобному исследованию, соискателю надлежало бы более основательно ознакомиться с фундаментальными трудами «классиков» теории доказывания, в частности В.Д. Арсеньева, Р.С. Белкина, В.Я. Дорохова, Л.М. Карнеевой, Л.Д. Кокорева, Ю.К. Орлова, П.А. Lupинской, М.С. Строговича, Ф.Н. Фаткуллина, П.С. Элькинд, С.А. Шейфера, а также продолжающих активно публиковаться А.М. Баранова, А.А. Давлетова, В.И. Зажицкого, В.А. Лазаревой, А.В. Победкина, С.Б. Россинского и многих других, то есть не сделать несколько «дежурных» сносок на некоторые работы указанных авторов и (или) формально отметить их в списке литературы, а обстоятельно проштудировать их содержание, постаравшись уразуметь подлинную сущность доказывания как сложного и многогранного феномена, предполагающего комплекс познавательного-удостоверительных приемов и аргументационно-логических операций, направленных на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, и обоснование приговоров либо иных правоприменительных актов.

Вполне возможно, что в этом случае соискателю удалось бы избежать большинства недостатков своей диссертации, обусловленных именно отсутствием надлежащего доктринального фундамента и выраженных в недопонимании либо сознательном игнорировании известных постулатов теории доказывания и положений доказательственного права.

2. Так, диссертация характеризуется совершенно бесцеремонным и безразборным употреблением целого ряда научно-правовых терминов: «средства доказывания», «доказательства», «источники доказательств», «доказательственная информация», «применение средств доказывания», «использование средств доказывания» и т.д., что приводит к неопределённости множества содержащихся в тексте работы формулировок, невозможности должного понимания высказываемых автором доводов, аргументов и основанных на них позиций.

В частности, одним из наиболее важных результатов приведённого исследования соискатель считает формирование системы электронных средств в доказывании по уголовному делу в которую зачем-то включает и следственные действия, и носители информации, и саму информацию, и формы коммуникации между субъектами уголовного судопроизводства, и виртуальные информационные ресурсы, и программное обеспечение, и прочие объекты, так или иначе сопряжённые с современными достижениями научно-технического прогресса, развитием цифровых технологий и попавшие в сферу реализации полномочий органов дознания и предварительного следствия (стр. 9–11, 32–33 и т.д.).

Подобный подход представляется совершенно неприемлемым и ошибочным, поскольку предполагает смешение в один безразборный массив совершенно разных по своей природе и правовому предназначению объектов уголовно-процессуального регулирования – источников полезной информации, самих доказательств, способов их собирания, технических средств, обеспечивающих эффективность и комфортность осуществления полномочий и правомочий различными участниками уголовного судопроизводства и т.д. Это приводит к абсолютной доктринальной путанице и невольно ставит под большое сомнение как научную, так и практическую ценность части результатов диссертационного исследования.

Если бы соискатель ознакомился с рядом фундаментальных публикаций, посвященных теории уголовно-процессуального доказывания, то получил бы представление о том, что каждый из безразборно употребляемых им терминов в действительности уже давно получил четкое научно-правовое значение. Например, наиболее часто упоминаемую в диссертации категорию «средства доказывания» ученые-процессуалисты обычно толкуют в широком

смысле, предполагающем включение в их систему доказательств и процессуальных приемов, направленных на их собирание, проверку и оценку (Ф.Н. Фаткуллин, Л.Д. Кокорев, З.З. Зинатуллин и т.д.) либо узком смысле, подразумевающим только сами сведения (как вариант, источники таких сведений), подлежащие использованию в качестве аргументов при обосновании приговоров или иных правоприменительных решений М.С. Строгович, В.Я. Дорохов, В.М. Галкин, Л.М. Карнеева, В.И. Зажицкий и др.).

Однако, автор идет совершенно иным путем и, видимо, будучи подвержен научной самонадеянности, на стр. 32–33 формулирует собственное понятие электронного средства доказывания (иногда вариативно называемого электронным средством, используемым в доказывании), зачем-то принимая за основу сугубо технические термины «средства связи» и «электросвязь», обнаруженные им в Федеральном законе от 07 июля 2003 г. №126-ФЗ «О связи». Какое отношение данные термины имеют к сфере уголовно-процессуального регулирования? Почему соискатель остановил свое внимание именно на данном законодательном акте, и каким образом регулируемые им правоотношения перекликаются с предметом диссертационного исследования? К сожалению, изучение диссертации не позволило обнаружить каких-либо вразумительных ответов на данные вопросы. Можно лишь предположить, что автор, чересчур увлекшись сугубо техническими (а не юридическими) аспектами современных способов собирания доказательственной информации, решил ознакомиться с нормативными документами, определяющими схожие по технологическому инструментарию области применения современных достижений физики, электроники и т.д., найдя в одном из них лексически близкие термины. Кстати, следуя этой ошибочной логике, соискатель вполне мог бы взять за основу вводимой им в научный оборот категории «электронное средство доказывания» и другие используемые в известных сферах жизнедеятельности термины: «средство передвижения», «средство химической защиты» и т.п.

3. Кроме того, наблюдается совершенно индифферентное отношение автора к хорошо разработанной теории следственных действий как основных и наиболее известных способов собирания доказательств в досудебном производстве по уголовному делу. Если бы соискатель, осуществляя свои научные

изыскания, надлежащим образом ознакомился с фундаментальными трудами ведущих ученых-процессуалистов, посвященными проблематике следственных действий, в частности с работами В.М. Быкова, И.Е. Быховского, В.В. Кальницкого, А.В. Победкина, С.Б. Россинского, В.А. Семенцова, А.Б. Соловьева и, конечно, С.А. Шейфера, то не допустил бы еще целого ряда существенных, в том числе методологических, ошибок, связанных именно с непониманием либо нежеланием понимать сущности и правовой природы этих познавательных приемов накопления полезной информации, находящихся в исключительном ведении следователя или дознавателя (органа дознания). В частности, он не стал бы писать о следственных действиях как о способах собирания доказательств в уголовном процессе Великобритании или США (стр. 130) – подобное утверждение вообще не выдерживает никакой критики, поскольку именно этим – невозможностью собирания доказательств в ходе досудебного расследования – англосаксонская модель уголовной юстиции и отличается от романо-германской, а точнее «романской» («наполеоновской») модели, частично сохраненной в современном уголовном процессе России и предполагающей наделение органов предварительного расследования юрисдикционными полномочиями по формированию полноценных доказательств, равных по юридической силе доказательствам, полученным в ходе судебного заседания.

По всей вероятности, соискатель, будучи должным образом ознакомлен с последними работами, касающимися сущности и системы следственных действий, не стал бы так безапелляционно утверждать о включении в их число предусмотренных ст. 185–186.1 УПК РФ комбинированных способов собирания доказательств (стр. 107), тем более не стал бы выдумывать непонятно откуда взявшееся название указанных познавательных приемов «электронно-технические следственные действия» (стр. 108). Ведь в подавляющем большинстве современных научных публикаций (не учебных и прочих изданий, предполагающих пересказ положений УПК РФ, а именно серьезных научных публикаций!) высказываются весьма критические оценки понимания указанных способов собирания доказательств (автор настоящего отзыва называет их процессуальными комбинациям) как типичных элементов системы следственных действий – ввиду наличия в их структуре негласного этапа накопления

полезных сведений, приводящего к невозможности отождествления соответствующих результатов с результатами типичных следственных действий, согласно ст. 17 УПК РФ приравненных по юридической силе к судебным доказательствам².

Ненадлежащее понимание соискателем сущности и теоретических основ следственных действий предопределило еще одну серьёзную ошибку – несоответствие названий § 2.1 и 2.2 диссертации их содержанию. Так в § 2.1, названном «собрание электронной информации и (или) ее материальных носителей в ходе производства следственных действий» вполне ожидаемо было бы встретить рассуждения автора, касаемые порядка производства различных следственных действий, сопряжённых с восприятием и фиксацией подобных объектов процессуального познания. Вместе с тем содержание параграфа, по сути, посвящено несколько иным проблемам – реализации основополагающих принципов уголовного судопроизводства в ходе осуществления поисково-познавательных полномочий органов дознания и предварительного следствия, в первую очередь, предусмотренного ст. 13 УПК РФ принципа тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых телеграфных и иных сообщений. Тогда как порядок производства следственных действий, направленных на восприятие и фиксацию цифровой информации почему-то раскрывается в § 2.2. Этот параграф вообще имеет весьма странное название «Правовое регулирование применения следственных действий электронно-технического характера», вызывающее недоумение и желание задаться вопросом: что значит применить следственное действие? Насколько известно автору настоящего отзыва, применить можно правовую норму (применение – это один из способов реализации правовой нормы), а следственное действие можно произвести, провести, осуществить, но никак не применить.

4. В § 1.1 диссертации выделяются «несколько этапов, характеризующих уровень влияния развития информационных технологий на досудебное уголовное судопроизводство». Причем ожидаемое автором наступление послед-

² Подробнее см., например: *Росинский С.Б.* Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М.: Норма, 2021. С. 135–141.

него из указанных этапов predetermined лишь его оптимистическими прогнозами, основанными на сведениях о появлении все новых и новых технологий, в частности изобретённой И. Маском технологии «Neuralink», позволяющей подключить мозг обезьяны к компьютеру.

В этой связи представляется, что соискателю как человеку, имеющему юридическое образование, глубоко не погруженному в технические тонкости и нюансы развития современных информационных технологий, и, судя по соответствующей сноске, почерпнувшему указанные сведения из научно-популярного источника, вряд ли уместно давать подобные прогнозы, в особенности касаясь перспектив использования таких технологий в уголовном судопроизводстве.

5. Следует обратить внимание на небрежное отношение соискателя к использованной литературе, в частности к публикациям автора настоящего отзыва, имеющего более 100 работ по проблемам собирания доказательств в досудебном производстве и поэтому назначенного диссертационным советом в качестве официального оппонента по защите данной диссертации.

Так, в подстрочных сносках соискатель всего лишь однажды (!) и достаточно вскользь ссылается на своего официального оппонента – на мою статью «Собирание доказательств как «первый» этап доказывания по уголовному делу», кстати, ошибочно указывая ее в числе других публикаций, предполагающих понимание доказывания как механизма, состоящего из трех этапов: собирания, проверки и оценки доказательств. Тогда как в списке использованной литературы приводятся только две работы С.Б. Россинского: вышеуказанная статья и приписываемая моему скромному авторству докторская диссертация «Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества». В этой связи считаю необходимым официально заявить, что подобного диссертационного исследования я никогда не проводил, а моя докторская диссертация была посвящена совершенно другим аспектам уголовно-процессуального доказывания!

В завершении следует отметить, что указанные замечания, все же не снижают общей положительной оценки работы и возможности ее публичной защиты в диссертационном совете.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Диссертация «Правовое регулирование применения электронных средств в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса» является законченным монографическим исследованием, выполненным на актуальную тему, отвечающим требованиям научной новизны, теоретической и практической значимости, достоверности положений диссертации, выводов и предложений, сформулированных автором, и соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842.

2. Автор диссертации – Виктор Сергеевич Черкасов – заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.09 – Уголовный процесс.

Официальный оппонент:
главный научный сотрудник сектора уголовного права,
уголовного процесса и криминологии
Института государства и права Российской академии наук
доктор юридических наук (специальность 12.00.09 – Уголовный процесс)
доцент

« 5 » мая 2022 г.

Сергей Борисович Россинский

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт государства и права Российской академии наук
Адрес: 119019 Москва, ул. Знаменка, д. 10
Тел.: +7 (495) 691-33-81
E-mail: igpran@igpran.ru